

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова – Ленина»

На правах рукописи

Григорьева Евгения Артуровна

**Концепты ирреального мира в русском, английском и чувашском языках
(на материале ядерных существительных
с архисемой ‘злой дух’ и их производных)**

Специальность – 10. 02. 20. – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2005

Диссертация выполнена на кафедре русского языка в национальной школе филологического факультета государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова – Ленина»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Альмира Асхатовна Аминова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Елена Фридриховна Арсентьева
кандидат филологических наук, доцент
Татьяна Павловна Заиконникова

Ведущая организация: Институт языка, литературы и искусства
им. Т.Ибрагимова Академии наук Республики Татар-
стан

Защита состоится «___» _____ 2005 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212. 081. 05 по присуждению степени доктора филологических наук в Казанском государственном университете им. В. И. Ульянова – Ленина по адресу: 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2005 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Т. Ю. Виноградова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современной лингвистической науке внимание ученых всё более концентрируется на том, как язык – объект познания – связан с его носителем – субъектом познания – то есть с человеком. Такой взгляд на язык сложился в рамках антропоцентрической парадигмы и развивается в работах отечественных и зарубежных лингвистов Ю. С. Степанова, Е. С. Кубряковой, Н. Д. Артюновой, С. Г. Воркачева, В. З. Демьянкова, А. Вежбицкой, Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора и других. По словам В. Н. Телии, современное лингвокультурологическое исследование должно быть «ориентировано на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке».

Реферируемая диссертация посвящена сопоставительному описанию концептов ирреального мира в русском, английском и чувашском языках. Изучение мифологических и религиозных представлений об ирреальном мире, характерных для носителей трёх языков, было предпринято в трудах по этнографии (С. В. Максимов, Е. Левкиевская, П. В. Денисов), фольклористике (Э. В. Померанцева, В. А. Ендеров, С. Е. Никитина), культурологии (Н. И. Толстой, Ф. А. Рязановский). В то же время лингвистическое исследование данного феномена носило эпизодический характер как в рамках концептологии, так и на базе сопоставления разноструктурных языков.

Вышесказанное определяет **актуальность** данного исследования, **объектом** которого являются лексические, фразеологические и паремические единицы представленных языков в их связи с духовной культурой русского, английского и чувашского народов; в сферу нашего внимания также вошли концептуальные особенности дериватов.

Целью исследования стал сопоставительный анализ представленных национальных концептов, выявление их специфики, исследование роли указанных концептов в лингвокультурном пространстве этносов.

Поставленным целям было подчинено решение следующих **задач**:

- изучить корпус лексических единиц, репрезентирующих концепты.
- исследовать концептуальные особенности указанной лексики на словообразовательном уровне.
- рассмотреть внутриязыковые синонимические отношения лексем, входящих в названный концепт.
- установить степень межъязыковой эквивалентности указанных единиц (полные, частичные, безэквивалентные).
- указать интегральные и дифференциальные признаки концептов ирреального мира в данных языках.

Методологической основой исследования явились труды В. Гумбольдта, А. А. Потебни, А. Н. Афанасьева, Д. К. Зеленина, Е. Ф. Карского, А. И. Соболевского, в которых изучалось взаимодействие языка и культуры народа.

Методы и приемы исследования. Многоаспектность исследования обуславливает применение комплекса методов. В связи с тем, что концепты разноструктурных языков стали основным объектом изучения в диссертационной работе, то основным методом явился *метод концептуального анализа*, который включал в себя ряд процедур. Отбор лексических единиц с архисемой 'злой дух' / 'evil spirit' / 'усал сывлӑш', а также фразеологических и паремических единиц, одним из компонентов в которых является слово с указанным значением, проводился с помощью *метода сплошной выборки* из толковых словарей различных типов, двуязычных словарей, словарей синонимов, фразеологических и словообразовательных словарей. Изучение семантической структуры интересующих нас образований обусловило использование *метода компонентного анализа*; тот же метод был применён в ходе анализа синонимических отношений, в которые вступали рассматриваемые лексемы. Анализ производных единиц языка в синхронии потребовал использования *описательного метода*, а сопоставление единиц разноструктурных языков проводилось с помощью *сопоставительного метода*.

Материалом для исследования языкового выражения концептов ирреального мира в русском, английском и чувашском языках послужили показания толковых словарей различных типов – «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова, «Толкового словаря русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «Словаря современного

русского литературного языка» в 17-ти томах, «Словаря русского языка» в 4-х томах; «Webster's Third New International Dictionary of the English Language», «Webster's New World Dictionary», «Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English»; «Словаря чувашского языка» Н. И. Ашмарина. В качестве источников также использовались данные «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля и «Словаря русских народных говоров» Ф. П. Филина, свидетельства этимологических словарей («Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера) и словарей синонимов русского, английского и чувашского языков («Словарь синонимов» под редакцией А. П. Евгеньевой, «Словарь синонимов русского языка» в 2-х томах, «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой, «Краткий словарь синонимов современного русского языка» В. Н. Ключевой; «Webster's New World Thesaurus», «Словарь синонимов чувашского языка» под редакцией Н. Е. Егорова).

Источником фразеологических единиц стали такие словари, как «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова, «Фразеологический словарь русского литературного языка» А. И. Федорова, «Словарь сравнений русского языка» В. М. Мокиенко, «Англо-русский фразеологический словарь» под редакцией А. В. Кунина, «Русско-чувашский фразеологический словарь» М. Ф. Чернова. В работе также использовались двуязычные словари: англо-русские, чувашско-русские, русско-английские и русско-чувашские. В качестве источников были использованы тексты Нового Завета – «Новый Завет Господа Нашего Иисуса Христа», «The New English Bible New Testament», «Пирён Туррәмәр Иисус Христос Хунă Çёнё Сăмах». Источниками также стали тексты разножанровых произведений, в частности «Русские сказки» А. Н. Афанасьева, «Чувашские легенды и сказки», «Английские народные сказки», «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, «Тихий Дон» М. А. Шолохова, «Русские Боги» Д. Андреева, «Театр» У. С. Моэма, «Нарспи» К. Иванова. Как источники паремических единиц использовались различные сборники пословиц и поговорок, среди которых «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Даля, «Сборник английских пословиц и поговорок» С. Ф. Кусковской, «Русско-английский словарь пословиц и поговорок», «Халăх аслăлахё. Народная мудрость» И. А. Патмара.

Научная новизна работы определяется тем, что в диссертации впервые исследован материал чувашского языка с точки зрения концептуальной организации названной группы лексики, рассмотрен не изучавшийся ранее концепт ирреального мира в чувашском языке. В работе также впервые проводится сопоставительный анализ указанных концептов в трех разноструктурных языках. В диссертации дана концептуальная характеристика производных единиц, а значит, выявляются когнитивные возможности словообразовательной системы. Новизна работы заключается также в том, что в ней впервые выявлено соотношение религиозных и народных представлений о злом духе, определена их значимость в русской, английской и чувашской лингвокультурах.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что благодаря сопоставительному анализу лексических единиц с архисемой 'злой дух' / 'evil spirit' / 'усал сывлăш', их производных, а также корпуса фразеологических и паремических единиц была выявлена специфика определенного фрагмента языковой картины мира трех этносов, определены его универсальные черты, что способствовало восполнению знаний о национальных концептосферах и их моделях.

Практическая ценность настоящей работы состоит в том, что теоретические положения проведенного исследования и полученные результаты могут применяться при проведении подобных исследований на материале других языков. Результаты работы могут быть использованы при чтении лекций и спецкурсов по лексикологии русского, английского и чувашского языков, по сопоставительной лексикологии, общему языкознанию, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. Материал диссертации может быть применен в процессе обучения как русских, так и иностранных студентов, а также в лексикографической практике – при оформлении словарных статей в двуязычных словарях. Определенную практическую ценность имеет приложение в виде списка русских, английских и чувашских фразеологизмов и паремий с обозначенными выше ключевыми компонентами, которое может быть использовано в лексикографической практике.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены на Всероссийской научно-практической конференции «Сопоставительная филология и полилингвизм» (Казань, 29 – 31 октября 2002 г.), на региональной научной конференции, посвященной Дням славянской письменности и культуры (Чебоксары, 20 – 21 мая 2003 г.), на международной

конференции «III Бодуэновские чтения. Казанская лингвистическая школа: традиции и современность» (Казань, 11 – 13 декабря 2003 г.), на межвузовской научно-методической конференции «Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании» (Москва, 24 – 25 апреля 2004 г.), на международной научной конференции «Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы» (Казань, 4 – 6 октября 2004 г.), на конференции «Иностранные языки в современном мире» (Казань, 10 января 2005 г.) и отражены в шести публикациях.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, приложения, списка словарей и их сокращений, библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность выбранной темы, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, определены цель, задачи и методы исследования, указан материал для исследования, сформулированы основные теоретические положения диссертации.

В **первой главе** – Концептосфера разноструктурных языков в теоретическом освещении – рассмотрены основные направления исследований, проводимых в рамках лингвокультурологии. В работах Ю. С. Степанова, А. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, Д. С. Лихачева, Е. С. Кубряковой, В. В. Воробьева, В. Шаклеина, В. А. Масловой, Р. А. Будагова, С. Г. Воркачева, Л. М. Зайнуллинной, А. А. Залевской и других лингвистов осмысливаются теоретические основы данной науки, определяется объект и задачи лингвокультурологических исследований. Следует отметить, что на сегодняшний день в отечественном языкознании существует несколько различных точек зрения на объект лингвокультурологического исследования. В. Н. Телия, например, считает, что «лингвокультурология исследует только синхронные взаимодействия языка и культуры, то есть живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа». По мнению В. А. Масловой, «лингвокультурология должна исследовать и исторические, и современные языковые факты сквозь призму духовной культуры».

Во многих работах по данной тематике решается вопрос об объеме изучаемой культурной и языковой информации. Концепция В. Н. Телии состоит в том, что объектом указанной науки является культурная информация не только сугубо национальная, но и общечеловеческая, то есть «универсалии, присущие разным культурам». Представители школы Н. Д. Арутюновой также исследуют универсальные термины культуры, извлекаемые из разновременных текстов, принадлежащих различным народам. Иначе считает В. А. Маслова, в работах которой анализируется по преимуществу та культурная информация, которая принадлежит конкретному народу либо близкородственным народам, например православным славянам (В. А. Маслова, 1997, В. А. Маслова, 1999). Аналогичные взгляды на объект и задачи лингвокультурологии можно найти в трудах З. Х. Бижевой, изучающей культурные концепты в кабардинском языке (З. Х. Бижева, 1997), А. И. Геляевой, исследующей концепт 'человек' как основной фрагмент языковой картины мира на материале карачаево-балкарского языка (А. И. Геляева, 2002), Н. М. Жанпеисовой., рассматривающей репрезентацию национальных концептосфер в картине мира казахско-русских билингов (Н. М. Жанпеисова, 2004). Как объект концептуального анализа была рассмотрена башкирская фразеология в работе Р. Х. Хайруллиной (Р. Х. Хайруллина, 2000), отдельные элементы языкового отражения татарской культуры изучены Р. Р. Замалетдиновым (Р. Р. Замалетдинов, 2004).

Некоторые различия в теоретических основах данной науки привели к тому, что в отечественной лингвокультурологии оформилось несколько направлений. Это лингвокультурология отдельной социальной группы (Е. Бартминский); диахроническая лингвокультурология (А. Пископель); сравнительная лингвокультурология (В. Б. Касевич, А. С. Мильников); сопоставительная лингвокультурология (М. К. Головановская); лингвокультурная лексикография, занимающаяся составлением лингвострановедческих словарей (А. Р. Рум, Д. Г. Мальцев, Г. Д. Томахин). Появление такого научного направления, как концептология (Замалетдинов, 2004), а вслед за ним сопоставительной концептологии, на наш взгляд, способствовало формированию лингвокультурологии как теоретической дисциплины. Изучение обозначенной обширной проблематики повлекло за собой создание метаязыка описания, разработку терминологического аппарата.

В рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии основной единицей ментальности признается *концепт*, определяемый с различных точек зрения. Кроме того, в работах

Д. С. Лихачева, А. П. Бабушкина, В. З. Демьянкова, Н. Г. Комлева, Е. С. Кубряковой, Н. И. Сукаленко уточняется содержание таких терминов и понятий, как концептосфера языка, картина мира, языковая картина мира.

Термин «концепт» в лингвистике имеет несколько значений. Еще недавно он либо вовсе не фиксировался, либо его употребление характеризовалось низкой частотностью, и он воспринимался как абсолютный синоним термина «понятие». Данная лексическая единица отсутствует в «Словаре русского языка» в 4-х томах, в «Толковом словаре русского языка» (С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова). Как полный синоним русского термина «понятие» эта единица рассматривается в «Логическом словаре-справочнике» Н. И. Кондакова, а в «Философском энциклопедическом словаре» дается только очень краткое толкование: «Концепт (от лат. *conceptus*), содержание понятия. См. Смысл» (ФЭС, 2002).

Однако в последние годы наметилось существенное размежевание этих терминов, причем их отличительные признаки все еще не являются строго закрепленными и нередко варьируются в работах отечественных исследователей. Так в работе Е. С. Кубряковой «Роль словообразования в формировании языковой картины мира» использование термина «концепт» вместо термина «понятие» необходимо, так как, по словам автора, «должно отразить попытку разграничить их, так как указанные термины характеризуют разные аспекты человеческого сознания и мышления. В то время как понятие является высшим продуктом деятельности мозга, одной из важнейших разновидностей отражения объективной действительности, реализуемой в определенной логической форме, концепт трактуется расширительно. Под это обозначение подводятся разносубстратные единицы оперативного сознания, какими являются представления, образы, понятия» (Роль, 1988).

Разграничение терминов *концепт* и *понятие* происходит по следующей линии: «понятие – то, о чем люди договариваются, их люди конструируют для того, чтобы иметь общий язык при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не) уверенности» (Демьянков, 2001).

В то же время в когнитивной лингвистике бесспорным остается признание того факта, что подобно понятию концепт носит *идеальный характер*, являясь абстракцией довольно высокого уровня и значительной степени обобщенности. На это указывают следующие компоненты определения, повторяющиеся у ряда лингвистов, ср.: «Концепт – это единица ментальной информации» (Болдырев, 2002), «Концепт – ментальное национально-специфическое образование» (Агарков, 2000), «Концепт – знание об обозначаемом во всех его связях и отношениях» (Телия, 1996). Концептом также называют ментально-психологический комплекс, глобальную мыслительную единицу, основную единицу ментальности. По определению А. Вежбицкой, под концептом следует понимать «объект из мира «идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире «действительность» (Вежбицкая, 1994).

Как единица ментальности концепт имеет определенное *значение* и *структуру*, то есть обладает планом содержания. По мнению когнитологов, планом содержания концепта являются «опыт и знания человека в его духовной жизни и социальных отношениях» (Телия, 1996), «вся совокупность знаний о данном объекте» (Агарков, 2001), «все виды знания о том или ином явлении – знание эмпирическое, знание по мнению, знание по доверию, знание по вере, то есть все то, что подведено под один знак и предопределяет бытие знака как известной когнитивной структуры» (Чернейко, 1997). В концепте «закрепляются мифологические, религиозные и общечеловеческие представления» (Гершанова, 2003). Концепт многоярусен, многоэтажен. Он содержит в себе определенные «смыслы», то есть понятия, образы, представления, идеи, которые являются ценностями культуры (Степанов, 1997). Философское и психолингвистическое содержание термина концепт представлено в «Кратком словаре когнитивных терминов» (1996).

Знания о явлении в свою очередь имеют языковое преломление, являющееся планом выражения концепта. Они «опредмечиваются в той или иной языковой форме» (Карасик, Слышкина), а именно «в лексических, паремических, фразеологических единицах, номинирующих и описывающих определенный объект» (Агарков, 2001). Концепт также обладает *именем*, которое «выражается прежде всего (но не единственно) абстрактными словами, например «Закон», «Любовь» и т. п.» (Степанов, 2001). Кроме того, концепты могут отличаться друг от друга, представляя знания, оценки и опыт одного человека (индивидуальные концепты), народа (национальные концеп-

ты), всего человечества (наднациональные концепты). Отражая постоянно меняющиеся знания о мире, концепты также характеризуются изменчивостью (Краткий словарь когнит. терминов, 1996).

В результате анализа дефиниций, предлагаемых в современной научной литературе, можно выделить отличительные черты того явления, которое сегодня в лингвистике обозначается термином концепт. Итак, **концепт** – это:

- ментальный комплекс (образование, единица), имеющий идеальную природу; единица ментальной информации;

- концепт имеет знаковую природу, являясь объектом для передачи информации и обладая планом выражения и планом содержания;

- содержание концепта неоднородно, это знания (знания об обозначаемом во всех его связях и отношениях; вся совокупность знаний о данном объекте; знание эмпирическое, знание по мнению, знание по доверию, знание по вере); представления (мифологические, религиозные, общечеловеческие); оценки, национальный, культурный, исторический опыт нации;

- содержание концепта репрезентуется словарными формами – лексическими, фразеологическими и паремическими единицами. Знания о мире, отраженные в языке, составляют концептуальную сферу языка;

- концепт обладает именем, в качестве которого чаще всего используются абстрактные имена существительные;

- в зависимости от характера «носителя» знания различают концепты индивидуальные, национальные, наднациональные;

- концепт характеризуется изменчивостью.

Анализ *плана выражения* концепта проводится с помощью *концептуального анализа* (см. работы Л. Чернейко, А. Бабушкина, В. Демьянкова, А. Гершановой). Он состоит из ряда процедур, которые включают:

- отбор лексем с определенным значением;
- описание значений лексем;
- анализ семантической структуры слова, выявление лексико-семантических вариантов;
- компонентный анализ значения слова или лексико-семантического варианта;
- анализ синонимических и антонимических отношений, в которые вступают лексемы, что позволяет представить ядро концепта и его околоядерную зону;
- анализ сочетаемости лексических единиц;
- анализ производных лексем и фразеологических единиц, в состав которых входят данные лексемы, с точки зрения их концептуальных и деривационных особенностей;
- анализ паремий с указанным компонентом;

Концепты могут быть исследованы в разных аспектах: мировоззренческом, литературоведческом, религиозном, лингвистическом.

Изучение специфики языковой картины мира у разных народов находит отражение в исследованиях, посвященных рассмотрению концептов того или иного языка. На материале русского языка такой подход был реализован Л. О. Чернейко, В. А. Долинским, А. Д. Шмелевым, И. К. Мироновой, М. В. Никитиным, Н. В. Гришиной, Н. Б. Грушиной, Е. В. Севрюгиной и другими. Ими проанализированы концепты 'судьба', 'страх', 'еда', 'время', 'вода', 'результат', 'красота'. Многочисленные культурно-значимые концепты русского языка были систематизированы в словаре Ю. С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования».

Концептуальная сфера других индоевропейских языков, в частности английского языка, также стала объектом изучения в лингвокультурологии. Появились работы, имеющие описательный и сопоставительный характер. Это исследования Е. В. Пичугиной («Когнитивная организация и прагматическая реализация концепта 'fear'»), А. Р. Мурадовой («Выражение концепта 'мир' в языке бретонского фольклора»), С. А. Питиной («Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира»), Е. В. Филипповой («Дом как фрагмент фольклорной картины мира»). В чувашской филологии изучение языковых сущностей с точки зрения их концептуальных особенностей только начинается. На сегодняшний день в рамках данной проблематики выполнена лишь одна диссертационная работа Л. В. Лотри, посвященная

анализу концептуальных особенностей имен существительных «добро» и «зло» в русском и чувашском языках.

Данное диссертационное исследование «Концепты ирреального мира в русском, английском и чувашском языках» было проведено в рамках сопоставительной лингвокультурологии. Исследование некоторых ядерных существительных данного концепта в русском языке было предпринято в статье А. Д. Шмелева (А. Д. Шмелев, 2002). Английский концепт 'devil' рассматривался в монографическом исследовании С. А. Питиной, но в большей степени с философских и культурологических позиций, нежели в лингвистическом аспекте. В реферируемой работе сделана попытка выявить особенности русских, английских и чувашских мифологических, религиозных, обыденных знаний и представлений о воображаемом мире, которые отражены в языке. Общие и специфические черты концептов ирреального мира в трех языках выявлены путем сопоставления русских, английских и чувашских имен существительных с отрицательной коннотацией, а также дериватов указанных слов, фразеологизмов и паремических единиц. Сопоставительное изучение языковых данных способствовало обнаружению сходств и различий в способах концептуализации действительности разными этносами и особенностей языковой реализации глубинных концептуальных структур.

Во **второй главе** – Концепты ирреального мира в русском, английском и чувашском языках (на материале лексики, фразеологии, паремий) – анализируются ядерные имена существительные с отрицательной коннотацией, репрезентующие концепты ирреального мира в трех языках. Это лексические единицы *бес, демон, дьявол, сатана, чёрт* – в русском языке, *devil, demon, fiend, Satan* – в английском языке, *шуйттан, усал, мур, киремет, эсрел* – в чувашском языке. В каждом языке ключевые лексемы описываются через их этимологию, лексическое значение, синонимические связи, фиксируются основные моменты развития их семантики, анализируется современная сочетаемость слов; объектом анализа также становятся фразеологические единицы и паремии трех языков, в состав которых входят указанные лексические компоненты.

Исследование началось с составления картотеки лексикографических определений указанных лексем, источниками которых стали толковые словари различных типов. Сравнение лексикографических определений данных слов в русском, английском и чувашском языках позволило сделать вывод о том, что указанные лексические единицы могут иметь два способа толкования. Лексическое значение слов первой группы раскрывается путём лаконичного описания их существенных признаков, реализующихся в функционально-стилистической характеристике слова, энциклопедической ремарке, идентификаторе, словарных конкретизаторах и взаимных определителях (*бес 1, Вельзевул, демон 2, дьявол 1, змей 2; angel 2, devil 1, devil 2, Lucifer 1*). Лексикографические определения слов второй группы содержат функционально-стилистическую характеристику и взаимные определители (*враг 3, дух ада, злой дух, змей-искуситель, князь мира сего, князь тьмы; The Evil One, Satan, The Tempter 2; шуйттан, усал, киремет*). Словарная статья отражает семантическую и стилистическую историю слова, а сопоставление словарных статей в лексиконах разных языков позволяет отчетливо увидеть интегральные и дифференциальные черты лексических единиц в трех языках.

Далее был установлен индекс употребительности лексических единиц с архисемой 'злой дух' в русском языке. Степень употребительности рассматриваемых единиц явилась их своеобразной количественной характеристикой и позволила сделать выводы о некоторых особенностях функционирования этих лексем в языке. Так, на сегодняшний день наибольшей частотностью в лексикографических источниках характеризуется ЛСВ *бес 1* с индексом употребительности, равным 1, так как этот лексико-семантический вариант зафиксирован во всех лексикографических источниках. Степень употребительности лексических единиц *ангел, ангел тьмы, анцибол, беспаятый, дух глухой, нечистик, нечистый дух бесовский, окаятка, отец лжи, отяпа, пралик, хохлик, чёрный дух, шииш, шиишига, шиликун, шут* минимальна (0,09), что свидетельствует о перемещении данных единиц в разряд периферийной зоны лексики.

С помощью компонентного анализа семем была исследована структура значения указанных единиц в трех языках, выявлены категориально-грамматические ('предмет'; 'object'; 'япала'), лексико-грамматические ('существо'; 'being'; 'етем'), категориально-лексические ('дух'; 'spirit'; 'сывлэш'), интегральные и дифференциальные ('злой', 'по религиозным представлениям'; 'evil', 'in theology'; 'усал', 'туралла') семы. На основе компонентного анализа лексические единицы

были объединены в лексико-семантические группы с архисемой 'злой дух' / 'evil spirit' / 'усал сывлэш' в русском (62 лексемы), английском (55 лексем) и чувашском (21 лексема) языках.

Изучение парадигматических связей данных единиц внутри ЛСГ 'злой дух' показывает, что в русском языке наличие однотипных повторяющихся сем привело к формированию определённых оппозиционных отношений между словами и их ЛСВ в данной ЛСГ, входящей в обозначенный концепт. Указанные единицы входят в семантическую оппозицию привативного типа со словом *дух*, а друг с другом образуют словесные семантические оппозиции тождества (*сатана – Люцифер, дьявол – Веельзевул, чёрт – хохлик* и т. п.), представленные такими явлениями, как частичная и абсолютная синонимия. Абсолютными синонимами в данной группе являются ЛСВ *дьявол 1* и ЛСВ *сатана 1*. Они совпадают по семной структуре, стилистической окраске, имеют сходные вторичные связи, а также функционально эквивалентные друг другу. Все остальные единицы ЛСГ следует считать семантическими, стилистическими или семантико-стилистическими синонимами (ср. *дьявол – бес; сатана – Веельзевул; князь тьмы – беспятаый*).

Анализ стилистически окрашенных лексем в пределах русской ЛСГ показывает, что эти маркированные единицы распадаются на две группы. Первые принадлежат к единицам «книжного» фонда, на что указывает их книжная стилистическая окраска и сфера функционирования, ограниченная рамками христианской теологической литературы. Как правило, данные единицы являются синонимами ядерных существительных *бес, дьявол, сатана*.

Вторую группу составляют единицы, синонимичные лексеме *чёрт*, которые ограничены рамками «народного» фонда лексики. Об этом свидетельствует специфический характер лексикографических источников данных слов – словари диалектной лексики – и стилистические пометы («разговорное», «просторечное», «народно-разговорное»), сопровождающие эти лексемы в толковых словарях. Этимологический, компонентный и словообразовательный анализ указанных лексем подтверждает мысль о том, что эти лексические единицы отражают представления носителей русского языка о злом духе, имеющие дохристианскую, языческую природу, а признаки, положенные в основу наименования данного объекта ирреального мира, носят по преимуществу описательный характер.

Согласно представлениям русского человека, закрепленным в языке, *чёрт* «без пят», то есть вместо ног имеет копыта (*беспятаый*). У него есть хвост, но не длинный, а короткий и, возможно, изуродованный на конце (*куцый, корнахвостик*). Это существо покрыто черной шерстью или кожей темного цвета (*мурин, черный*). Голова его отличается необычной вытянутой формой (*шиши, шишига*) и венчается, по одним представлениям, лысиной (*лысой*), а по другим – хохлом (*хохлик*). Он обитает в мире, противостоящем миру людей (*ненаши*) и враждебен людям (*недруг*). Чёрт воспринимается как существо нечистое (*некошный, немытик, нечистый, нечистик*). Он лукав и зол (*лукавый, лукалька*), и поэтому отвергается людьми (*окаянный, окаятка*). Злой дух также может приходиться к людям в виде болезни или являться её воплощением (*пралик*).

Библейский образ дьявола, напротив, лишен такой конкретности: в основу наименования данного объекта положены не описательные, а относительные признаки, то есть отражающие отношение данного предмета к другому предмету, а именно его назначение, функции, местоположение (Гак, 1977). Анализ синонимических наименований лексем *дьявол* и *бес*, составляющих подгруппу «книжного» фонда в данной ЛСГ, показывает, что в них закрепляются представления о злом духе, имеющие преимущественно религиозный характер.

По религиозным представлениям христиан, субъект ирреального мира, обозначаемый в русском языке лексемой *дьявол*, имеет следующие характерные черты. Это бесплотное, сверхъестественное существо, злой дух (*дух ада, дух тьмы, злой дух, нечистый дух*), по происхождению он является ангелом, восставшим против Бога и низверженным в ад (*Люцифер, ангел бездны, ангел тьмы, падший ангел*). Это существо обитает в аду (*ангел бездны, дух ада*), яркими чертами его характера являются хитрость, коварство и лживость (*лукавый, отец лжи*). Одна из функций называемого существа – искушение человека (*змей (змий), змей-искуситель, искуситель*). Дьявол является главой бесов, их предводителем, он также правит земным миром (*веельзевул (Вельзевул), князь бесовский, князь мира сего, князь тьмы*; семы 'властелин' и 'глава' в семемах ЛСВ сатана и Вельзевул). Его воспринимают как врага человека и человечества (*враг, враг рода человеческого, противник*). Он также может именоваться *сатаной, Вельзевулом (веельзевулом), Люцифером, демоном*. Его имя *Мефистофель* имеет литературное происхождение.

Религиозные представления о *бесе*, занимающем подчиненное положение в иерархии злых духов, более просты с точки зрения семантической структуры. Исследование семантического объема данного ЛСВ и его синонимических связей позволяет сделать вывод о том, что называемое существо является злым духом (*дух, нечистый дух бесовский*), который может вселиться в человека и причинить ему физические страдания (*дух глухой, дух немой, дух немоции*). Подобно дьяволу, бесы по происхождению считаются ангелами, на что указывают некоторые их наименования (*ангелы, ангелы согрешившие, злые ангелы*). С другой стороны, лексема *бес*, как и существительное *чёрт*, отражает народные представления о злом духе.

Следовательно, лингвистический анализ русского лексического материала указывает на тот факт, что концепт ирреального мира в русском языке двупланов, так как может носить религиозный (*дьявол, сатана, бес*) и народный (*чёрт, бес*) характер. При этом ядерное существительное *бес* отражает особую ситуацию двоеверия, которая существовала в русском религиозном сознании на протяжении многих веков (см. С. Токарев, Э. Померанцева).

Структуры русской и английской ('evil spirits in theology') лексико-семантической группы не аналогичны друг другу. Это проявляется как в разном количестве единиц в двух ЛСГ, так и в неодинаковом функционировании слов и ЛСВ слов в двух языках, что отражается на их способности образовывать новые слова, фразеологические единицы, выступать в переносных значениях, сочетаться с другими словами в рамках предложения.

Наиболее употребительными в английском языке являются единицы *devil, Satan, demon*; реже используются лексемы, ограниченные рамками разговорного (*Harry, Old Nick, the Old Boy*) или книжного (*prince of darkness, the Tempter*) стиля. Некоторые английские единицы совпадают с русскими как по значению, так и по месту внутри группы: *дьявол – devil 1, сатана – Satan, князь тьмы – prince of darkness, искуситель – the Tempter*. Это, как правило, слова, заимствованные русским и английским языком из одного библейского источника. Напротив, единицы с разговорной стилистической окраской имеют наибольшее число количественных и семантических расхождений в двух языках. Безэквивалентными лексическими единицами в русском языке являются многочисленные синонимы слова *чёрт* с разговорной стилистической окраской, например *луканька, окаятка, хохлик, беснятый, лысой, ишиш*. В английском языке разговорными вариантами лексемы *devil*, не имеющими аналогов в русском языке, выступают эвфемизмы *Harry, Old Nick, the Old Boy* - собственные имена, и сочетания слов *the Foul Fiend, shadow of shadows, king of the shadows*.

Единицы данной группы вступают в те же отношения абсолютной и частичной синонимии, что и члены русской ЛСГ. Однако переносные значения этих единиц не всегда совпадают. Если русское слово *дьявол* имеет всего два ЛСВ ('злой дух', 'злой, коварный человек'), то у английского *devil* их более десяти, среди которых 'человек, малый, парень'; 'тот, кто выполняет работу за другого'; 'острое блюдо из жареного мяса или рыбы с пряностями и специями'; 'род фейерверка'.

Особо рассматривается случай, когда русским лексическим единицам, имеющим различную семантику и звуковое оформление, в английском языке соответствуют два лексико-семантических варианта одного и того же слова: *дьявол 1 – devil 1, бес 1 – devil 2*. Компонентный анализ семем английских ЛСВ и дальнейшее сравнение их с семантикой русских соответствий позволяет выявить отличия в представлении о называемых существах, характерные для носителей русского и английского языков.

Семная структура английских ЛСВ имеет как тождественные, так и отличающиеся друг от друга элементы значения. Как и в русском языке, общими семемами для данных единиц являются категориально-грамматическая сема 'object', лексико-грамматическая сема 'being', категориально-лексическая сема 'spirit', дифференциально-конкретизирующая сема 1 'evil', отрезок значения, характеризующий представления о злом духе - 'in theology'.

Дифференциальные семы демонстрируют те денотативные признаки обозначаемых существ, по которым их отличают друг от друга. Существа, обозначаемые ЛСВ *devil 1* и *devil 2*, выполняют различные функции, а значит, занимают разное положение в иерархии злых духов. Так в ЛСВ *devil 1* дифференциальные семы 'the leader of all apostate', 'the ruler of hell' указывают на то, что существо, репрезентируемое данной лексической единицей, является предводителем как отступивших от Бога людей, так и злых духов. Напротив, дифференциальная сема 'follower of the devil' в ЛСВ *devil 2* свидетельствует о подчиненном положении злого духа, обозна-

ченного данным вариантом. Некоторые семы в ЛСВ *devil 1* характеризуют отношения одновременного подчинения и вражды, существующие между обозначаемым духом и Богом ('the adversary of God', 'subordinate to God'), а также вечную борьбу между дьяволом, человечеством и человеком ('the tempter', 'the enemy of mankind'). Сема 'possessing the state of demoniac' в ЛСВ *devil 2* конкретизирует взаимодействие человеческого и дьявольского начал.

Следовательно, объекты, обозначаемые ЛСВ *devil 1* и *devil 2*, в сознании носителей английского языка являются существами, принадлежащими к одному классу злых духов. В этом случае их родовая принадлежность реализуется как в общих категориально-лексической и дифференциальной семе 1 ('evil spirit'), так и в синонимичных для данных ЛСВ сочетаниях *evil spirit*, *wicked spirit*, *cruel spirit*, *malignant spirit*, *malignant demon* (злой дух). С другой стороны, эти духи занимают различное положение по отношению к Богу, людям и друг к другу, что выражается в семной структуре и синонимических связях ЛСВ, называющих их. Вариант *devil 1* реализует представления о сверхъестественном существе, которое является главой и властелином злых духов, падших ангелов и грешников. ЛСВ *devil 2* используется для обозначения злого духа, занимающего более низкое положение в иерархии сверхъестественных существ (сема 'follower of the devil') и выполняющего функцию посредника между дьяволом и человеком, так как этот злой дух может вселиться в последнего. Данная черта отражена как в семе 'possessing the state of demoniac', так и в синонимичном ЛСВ *spirit 2*, имеющем в структуре значения отрезок 'held to be able to enter or possess a person'.

Семантическая структура русского ЛСВ *дьявол 1* отличается от английского аналога только количеством дифференциальных сем. Так, некоторые отрезки значения в русском и английском ЛСВ являются идентичными ('противостоящий Богу', 'властелин ада'; 'the adversary of God', 'the ruler of hell'), другие реализуются в синонимичных наименованиях (искуситель, враг), третьи отсутствуют ('subordinate to God', 'the leader of all apostate'). Однако это отличие, на наш взгляд, не является существенным, а сам анализ семантики и парадигматических связей разноязычных ЛСВ позволяет говорить о полном сходстве представлений о называемом объекте, существующих у носителей двух языков.

Семемы соответствующих друг другу вариантов *бес 1* и *devil 2*, напротив, отличаются не только числом сем, но и их значением. Если в английском языке представления о данном существе имеют исключительно религиозный характер, то источником знаний о бесе являются и религиозные, и народные представления. Дифференциальная сема 'человекообразное существо с рогами, копытами и хвостом', отсутствующая у английского варианта, есть дань русской суеверной традиции, сближающей беса с фольклорным чертом.

На основе анализа английского языкового материала попытка реконструировать знания об обозначаемом объекте привела к следующему заключению. В лексических единицах с архисемой 'evil spirit' английского языка закрепляются представления о злом духе, имеющие преимущественно религиозный характер. Согласно религиозным представлениям англичан, объект ирреального мира, обозначаемый лексемой *the Devil*, имеет следующие характерные черты. Это бесплотное, сверхъестественное существо, злой и нечистый дух (*evil spirit*, *malignant demon*, *malignant spirit*, *wicked spirit*); по происхождению он считается ангелом (*fallen angel*, *angel 2*); яркой чертой его характера является злоба (*author of evil*, *evil principle*, *the Evil One (evil)*, *the Wicked One (wicked one)*); он также воспринимается как создатель этого чувства (*mischiefmaker*); дьявол искушает человека (*the Tempter*) и может принимать человеческий облик (*demon in human shape*); дьявол является главой бесов, их предводителем, он также правит земным миром (*supreme spirit of evil*, *chief of the devils*, *god of this world*, *prince of the air*, *prince of the darkness*, *prince of the devils*, *prince of the evil*, *prince of the world*); его воспринимают как врага человека и человечества (*the (old) Enemy (the enemy)*, *the common enemy*, *the enemy of mankind*); он противник Бога (*the (old) Adversary*); дьявол может иметь имена *Beelzebub*, *Lucifer*, *Satan*, *the Foul Fiend*.

Религиозные представления о существе, называемом в английском языке *a devil*, занимающем подчиненное положение в иерархии злых духов, более просты. Называемое существо является злым духом (*evil spirit*, *malignant demon*, *malignant spirit*, *wicked spirit*, *unclean spirit*, *foul spirit*). Он может вселиться в человека, и причинить ему физические страдания (*dumb spirit*, *spirit of infirmity*, *deaf spirit*). По происхождению его считают ангелом (*evil angel*, *angel 2*).

Таким образом, концепт ирреального мира в английском языке в некоторой степени совпадает с концептом русского языка, так как обе единицы ментальности имеют идентичный религи-

озный характер. Особенность английского концепта состоит в том, что он был переосмыслен носителями языка с течением времени. Этот факт находит подтверждение в существовании таких «сниженных», разговорных наименованиях злого духа, существующих в английском языке, как *Harry* (Гарри), *Old Nick* (старина Ник), *the Old Boy* (старик, старина 'приятель'), *the Old One* (старик, старина 'приятель').

Лингвистический анализ лексических единиц чувашского языка с интегральной семой 'усал сывлăш' позволяет сделать вывод о том, что исследуемые лексемы закрепились на языковом уровне народные, по преимуществу языческие представления чувашского народа об объектах ирреального мира. Злые духи во главе с *шуйттаном* составляют особую группу в народных верованиях. Шуйттан противопоставлялся добрым божествам и, как существо злое, наделен способностями причинять человеку самые различные неприятности; злой дух может явиться причиной болезни, эпидемии (*мур*). Он вбирает в себя также черты божества смерти (*эсрел*). Чувашки поклонялись злым духам, приносили им жертвы, сооружали места для молений (*киремет*). Позднее в религиозных представлениях чувашек о шуйттане появились элементы, заимствованные из христианского учения о дьяволе, что отразилось в появлении новых лексических единиц для обозначения злого духа в чувашском языке (*ангел, веельзевул, тăшман, тĕнче пуслăхĕ, хăлхасăр сывлăш, челхесĕр сывлăш*), сфера функционирования которых ограничена рамками Священного Писания.

Одной из задач в диссертационном исследовании было установление степени межъязыковой семантической эквивалентности указанных единиц в аналогичных контекстах. На материале русских, английских и чувашских текстов Нового Завета составлена таблица соответствий русских и английских, а затем русских и чувашских лексических единиц, употребляющихся в аналогичных контекстах. Далее мы классифицировали эти единицы в зависимости от того, полными, частичными или безэквивалентными являлись составляющие пар.

В результате, большинство английских слов, ЛСВ слов и словосочетаний были эквивалентны русским вариантам: *ангел* - *angel*, *бес* - *devil 2*, *враг* - *enemy*, *дух* - *spirit*, *дьявол* - *devil 1*, *дух глухой* - *dumb spirit* и др.; часть отличалась от русских соответствий лишь графически: *Beelzebub* - *веельзевул*, *Satan* - *сатана*.

Третьи составляли такую группу, когда одной русской единице соответствовало несколько английских. Например, русское словосочетание *князь бесовский* в одних контекстах передается с помощью полностью эквивалентного ему сочетания *prince of the devils* (through the prince of the devils - [он изгоняет бесов силою] князя бесовского (Мф. 9.33)), а в других с помощью сочетания *chief of the devils* (by Beelzebub chief of the devils - [он изгоняет бесов силою] веельзевула, князя бесовского (Лк. 11.15)). В этом английском сочетании первый компонент *chief* со значением 'глава, предводитель, вождь' также несет в себе сему, указывающую на роль дьявола среди его войска ('глава'), поэтому передаваемое значение нельзя считать искаженным. Однако стилистическая окраска данного словосочетания является нейтральной по сравнению с книжной окраской в *prince of the devils*, которая как раз и привносится в это выражение с помощью элемента *prince* (ср. *Prince of the Peace* - Христос; *Prince of the Church* - кардинал, князь церкви и *chief of the police* - шеф полиции, *chief of the department* - начальник отдела). В эту группу также следует включить пары *лукавый* - *evil* и *the wicked one*; *нечистый дух* - *unclean spirit* и *foul spirit*.

При переводе текстов Евангелий с русского на чувашский язык для передачи лексических единиц с архисемой 'усал сывлăш' используется заимствование слов (*ангел* - *ангел, веельзевул* - *веельзевул*) - «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его» - «ей ылханлисем! кайăр Ман патăмран шуйттан валли, унăн ангелĕсем валли хатĕрлесе хунă ёмерлĕх вута» (Мф. 25. 41).

В других случаях имеет место дословный перевод средствами чувашского языка (*злой дух* - *усал сывлăш, дух немой* - *челхесĕр сывлăш*) - «А в это время Он многих исцелил от болезней и недугов и от злых духов, и многим слепым даровал зрение» - «Çав вăхăтра Иисус нумай сынна чирĕсенчен, суранĕсенчен, усал сывлăшсенчен сыватнă, суккăрсене те нумайĕшне куракан тунă» (Лк. 7. 21).

Реже встречается семантическое калькирование (*враг 'дьявол'* - *тăшман 'дьявол'*) - «враг, посеявший их, есть дьявол» - «пукра акнă тăшман - шуйттан вăл» (Мф. 13. 39).

Отмечается также перевод нескольких русских синонимов одной чувашской лексической единицей (*дьявол, сатана* - *шуйттан*) - «Там сорок дней Он был искушаем от дьявола и ничего не

ел в эти дни» - «Унта Ӏна хӀрӀх кун шуйттан сӀнанӀ; сав кунсенче ВӀл нимӀн те сӀмен» (Лк. 4. 2.) или «Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана» - «Иисус вара Ӏна каланӀ: кай Ман патӀман, шуйттан» (Мф. 4. 10).

Введение фразеологического и паремического материала значительно расширило область лингвистического исследования. Изучение языка как средства хранения и передачи информации позволяет рассматривать фразеологию и паремии языка в новом аспекте. Фразеологический фонд сегодня воспринимается как ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа. Нестановочно, комментируя эту мысль, Б. А. Ларин писал: «Фразеологизмы всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Отражают – как свет утра отражается в капле росы» (Ларин, 1977). Такой подход к фразеологии реализуется в работах Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, В. В. Воробьева, В. М. Шаклеина, В. М. Мокиенко. Фразеологизмы и паремии с указанными лексическими компонентами трех языков также рассмотрены нами с лингвокультурологических позиций.

Компонентом большинства фразеологических и паремических единиц русского языка является слово *чёрт*. Эта лексема входит в группу безэквивалентной лексики, отражающей наиболее специфические черты русского народного быта и сознания. Проведенный выше языковой анализ слова *чёрт* демонстрирует уникальность этого образа русской культуры, в котором отражаются дохристианские представления о злом духе. Следовательно, ФЕ и паремии с этим компонентом также хранят по преимуществу народные представления о нем. За каждой из указанных единиц находится выразительная характеристика чёрта: его облика (*богатый, как черт рогатый, как будто черти копытами толкут (в животе) ‘о сильной боли’, грязный (чумазый) как черт (в аду), страшный как черт*), черт характера (*упрям, как карамышевский черт, злой как черт (которому прижали хвост)*), типичных действий (*черт дернул за язык, черт попутал*), места обитания (*бродит, что черт по болоту, вертит, как черт в омуте*), отношений с человеком (*бояться как само-го черта, бегать как от черта*).

Ментальная информация, закрепленная в чувашских фразеологизмах и паремиях, иногда своеобразно переключается с материалом, представленным лексикой чувашского языка. Однако чаще всего она носит уникальный характер. Так, сопоставительный анализ чувашских и русских паремий показывает, как одно и то же явление воспринимается представителями разных этносов. В русском языке многочисленную группу составляют пословицы, в которых богатство человека оценивается как нечто, полученное им от черта (*богатому черти деньги куют*), а сам богач считается «нечистым» (*копил, копил, да черта и купил*), так как ему помогают черти (*у богатого черт детей качает*). В чувашском языковом сознании отражается противоположное восприятие богатства. Оно считается даром Бога, тогда как бедность насыпается шуйттаном (*ТурӀ укӀа паратӀ, шуйттан шӀтӀк паратӀ – Бог дает деньги, а черт дает дырку; укӀа пор ТурӀ пор, укӀа сук – шуйттан пор – есть деньги – есть Бог, нет денег – есть черт*).

В то же время паремический фонд двух языков демонстрирует полное сходство в восприятии женщины у чувашей и русских. Как русские, так и чувашские пословицы отражают особое отношение к женщине как к существу, которое может превзойти черта в знаниях (*шуйттан пӀл-меннине хӀрарӀм пӀлет* (что не знает черт, знает женщина) или сноровке (*куда черт не поспеет, туда бабу пошлет; шуйттан тӀваймане хӀрарӀм тунӀ* (что не сделал чёрт, делает женщина)). В чувашских паремиях представлен уникальный материал о злом духе, не нашедший отражение ни в лексике, ни во фразеологии. Представления об *эсреле* как духе смерти сохранились в пословицах чувашского народа (*эсрел чун чун шырать – душа эсреля душу ищет; эсрелсӀр вилӀм сук – без эсреля смерти нет; эсрел хӀсӀне, тет – эсрел с мечом, говорят*).

Изучение фразеологического и паремического состава английского языка показывает, что в нем можно обнаружить корпус единиц, одним из компонентов в которых являются лексемы *devil* (hate smb. (smth.) as the devil hates holy water), *deuce* (the deuce knows), *Beelzebub* (call in Beelzebub to cast out Satan), *Satan* (Satan rebuking (reproving) sin). Сравнение их между собой демонстрирует, что в английских ФЕ лексемы *devil* и *deuce* развивают несколько значений. Их семантические межъязыковые эквиваленты функционируют в составе фразеологических единиц лишь в одном основном значении - ‘злой дух’. Развитие вторичных значений в единицах *devil* и *deuce* связано с особенными свойствами английского языка, в котором мера многозначности слов намного превышает тот же критерий, существующий в русском или чувашском языке. На это свойство ан-

глийского языка указывает Б. Норман, говоря о том, что «в английском словаре случаев появления у слова переносных значений будет намного больше, чем в русском. Это говорит о том, что мера многозначности слов в разных языках различна» (Норман, 2004).

В составе английских фразеологических единиц компоненты *devil* и *deuce*, как правило, обозначают злого духа: *serve the devil for God's sake* (букв. служить дьяволу, прикрываясь именем Бога), *the devil rebuking sin* (букв. дьявол, осуждающий грехи), то есть лицемер, *the deuce knows* (букв. дьявол знает). Однако во фразеологизмах *a deuce of a time ago* (букв. сам дьявол прошлого) «черт знает когда, ужасно давно»; *devil of a racket* (букв. дьявол шума) «невообразимый (адский) шум»; *as the devil* (букв. как дьявол) «чрезвычайно, ужасно, чертовски»; *deuce of a ...* (букв. дьявол чего-л.) «чертовски, дьявольски, ужасно» лексемы *devil* и *deuce* развивают иное значение, так как служат для выражения высокой степени качества какого-либо предмета или явления, обладающего отрицательной коннотацией. В выражении *for the devil of it* (букв. из-за дьявола этого) лексема *devil* эквивалентна слову озорство, а в ФЕ *it is the very deuce* (букв. это тот самый дьявол) компонент *deuce* обозначает суть чего-либо, сердцевину. Имя дьявола также является олицетворением стремления к наслаждениям, на что указывает значение фразеологизма *the world, the flesh and the devil* (букв. мир, плоть, дьявол), книжн. «стремление к удовольствиям, чувственным наслаждениям; порочные наклонности». Несвободные значения становятся отличительной чертой этих слов среди других лексем английского языка с аналогичной архисемой, а также на фоне синонимичных им русских и чувашских лексических единиц.

В третьей главе – Деривационные особенности имен существительных с архисемой ‘злой дух’/ ‘evil spirit’ / ‘усал сывлăш’ - исследуются словообразовательные возможности ядерных существительных в трех языках. Важность когнитивного подхода к изучению всех деривационных подсистем как одного, так и нескольких сопоставляемых языков определяется тем, что словообразовательные значения аккумулируют наиболее значимые для данного языкового коллектива элементы смысла. Словообразование обеспечивает процесс номинации и играет важную роль в классификационно-познавательной деятельности человека как одно из основных средств пополнения словарного состава языка. Следовательно, словообразованию принадлежит важнейшая роль в номинативном процессе, запечатлевающем особенности человеческого мировосприятия, специфику культурно-исторического опыта народа.

Имена существительные трех языков с архисемой ‘злой дух’ вступают в словообразовательные отношения с рядом слов, для которых они являются производящими, являются ядром словообразовательного гнезда – совокупности однокорневых слов, упорядоченных отношениями производности. Как правило, в словообразовательном гнезде они играют роль вершины, иначе называемой исходным словом словообразовательного гнезда. В современном русском языке существуют словообразовательные гнезда с исходными словами *бес*, *демон*, *дьявол*, *сатана* и *черт*. Напротив, лексические единицы *Вельзевул* и *Люцифер* не имеют производных, что говорит об их малой освоенности и ограниченности сферы употребления в русском языке.

Производные единицы в рассматриваемых гнездах отличаются друг от друга количеством и характером производных, относящихся к разным словообразовательным типам. Анализ производных, входящих в указанные словообразовательные гнезда, показывает, что среди них можно выделить две группы лексических единиц. Первую составляют те из них, которые относятся к одной и той же части речи, образованы от слов одной и той же части речи, обладают общим словообразовательным значением и словообразовательным формантом (например суффиксом). Кроме того, они присутствуют как минимум в двух гнездах. К таким производным следует отнести отыменные суффиксальные имена существительные с общим модификационным значением женскости (*бесовка*, *бесиха*, *чертовка*, *чертовочка*, *чертиха* и *дьяволица*); отыменные суффиксальные имена существительные с общим модификационным значением невзрослости (*бесёнок*, *бесёныш*, *дьяволёнок*, *сатанёнок*, *чертёнок* и *чертеня*); отыменные суффиксальные имена существительные со значением «носитель предметного признака» (*бесовство*, *бесовщина*, *бесовщинка*, *демонизм*, *дьяволизм*, *дьявольщина*, *сатанизм*, *сатанинство*, *чертовня*, *чертовщина*, *чертовщинка*); отыменные суффиксальные имена прилагательные (*бесов*, *демонов*, *дьяволов*, *чертов*, *сатанин*, *бесовский*, *демонский*, *демонический*, *дьявольский*, *сатанинский*, *сатанический*, *чертовский*, *чертячий*); отыменные суффиксальные наречия (*бесовски*, *демонски*, *демонически*, *дьявольски*, *сатанински*, *чертовски*).

Вторая группа - это производные слова, встречающиеся только в одном словообразовательном гнезде. В неё вошли отыменные суффиксальные имена существительные с общим субъективно-оценочным значением (*сатанюка, чёртик, чертище, чертяга, чертяка, чёртушка*); имена существительные, образованные с помощью сложения (*чертобесие, чертогон, бесогон, чертолом, демоночтец* и др.); отыменные суффиксальные и конфиксальные глаголы, мотивированные именами существительными (*бесноваться, сатанеть, сатаниться, чертыхаться* и др.).

Анализ указанных дериватов позволяет охарактеризовать представления о злом духе, существующие в сознании носителей русского языка, следующим образом. В русском языке закрепились представления о том, что злой дух обладает определенными родственными связями: у него есть жена (*чертовка, бесовка, дьяволица*) и дети (*бесёнок, дьяволёнок, сатанёнок, чертёнок*); представления о матери и бабушке черта не нашли отражение в производных словах, но были зафиксированы в таких выражениях, как «идти к чёртовой матери» или «послать кого-либо к чертовой бабушке». Обыденные представления в некоторой степени повлияли и на религиозные знания о *дьяволе* и *сатане* (*дьяволица, сатанёнок*), но вовсе не коснулись такого существа, как *демон*, что иллюстрируется отсутствием у данного слова производных с модификационным значением женскости и невзрослости.

Некоторые предметы, явления окружающей действительности воспринимались носителями русского языка как нечистые (см. нечистый 'по народным поверьям: связанный со злым духом, колдовством' (БТС, 648)), принадлежащие злему духу или схожие с ним по ряду признаков. В этом случае они обозначались как *бесовские, дьявольские, сатанинские*, ср.: чертовские ухищрения (БТС, 1476), дьявольское наваждение (БТС, 292), демоническая натура (БТС, 250). Тот же признак мог характеризовать действия: дьявольски улыбаться (БТС, 292), демонски кривить губы (БТС, 250).

Кроме того, злой дух считался причиной сверхъестественных, загадочных событий и происшествий, обычно неприятных для человека. Нечто непонятное и несуразное, что объяснялось вмешательством злой силы, именовалось лексемами *бесовщина, дьявольщина, чертовщина*.

Вера в возможность проникновения злого духа в человека была достаточно распространена среди носителей русского языка. Это нашло отражение в лексическом значении глаголов современного русского языка *бесноваться, сатанеть, сатаниться, демониться* и устаревших словах, зафиксированных в словаре В. И. Даля - *демонствоватися* ('бесноваться, быть одержимым бесом'), а также в семантике существительного *бесноватый*, то есть одержимый бесом, и слова *демономания* ('помешательство, в котором человек считает сам себя бесноватым, одержимым').

Язычество, которое было характерно для эпохи древних славян, расценивалось служителями христианского культа как поклонение дьяволу, что отображено в устаревших лексемах *демоноговение* ('идолопоклонство') и *демоночтец* ('идолопоклонник'). Существование современного культа сатаны отразилось в словах, называющих этот культ (*сатанизм*) и его служителей (*сатанист*).

Производная лексика зафиксировала особенности национального языка, отраженные в формировании бранных выражений с рассматриваемыми исходными словами и их дериватами (*чертыжить* ('бранить, клясть, ругать, поминая чёрта'), *чертыжиться, чертыхаться, чертыханье*), а также изменение отношения русского человека к нечистой силе - смену отрицательной коннотации явления и объектов на положительную, о чем свидетельствует наличие ряда образований с уменьшительно-ласкательным значением: *чёртушка, бесёночек, чертовочка*; это подтверждается также наличием в современном русском языке лексико-семантических вариантов с положительным значением и коннотацией (*чертенок 2* 'о бойком, озорном ребенке', *дьяволенок 1* 'уменьшительно-ласкательно к дьявол').

Аналогично были описаны и подвергнуты сопоставлению словообразовательные гнезда английского и чувашского языков. Особенность русских словообразовательных гнезд с исходными словами *бес, демон, дьявол, сатана, чёрт* состоит в том, что они имеют разветвленную структуру и большое количество производных единиц, находящихся на первой и второй ступени словообразования. Например, в гнезде с вершиной *бес* количество дериватов равно 30, в гнезде с производящим компонентом *демон* - 16, наиболее объемным является гнездо с вершиной *чёрт*, в которое входит 36 единиц.

Словообразовательные гнезда английского и чувашского языков менее объемны. В современном английском языке насчитывается 13 производных единиц существительного *devil*. В чувашском языке гнездо с вершиной *шуйттан* в своем составе имеет только 6 компонентов. Это связано с морфологической структурой рассматриваемых языков: с агглютинативностью и анализмом чувашского языка и приоритетом семантического способа словообразования в деривационной системе английского языка.

Словообразовательные гнезда русского, английского и чувашского языков нуждаются не только в собственно описании компонентов, но также в их сопоставлении, так как именно сопоставление производных единиц дает возможность отчетливо увидеть сходства и различия, которые существуют как на языковом, так и на ментальном уровне носителей языка. Структурные компоненты словообразовательных гнезд были подразделены на следующие группы:

- структурные компоненты, идентичные компонентам в сравниваемом гнезде по значению, средству и способу образования;
- структурные компоненты, отсутствующие в сравниваемом гнезде с точки зрения эквивалентности словообразовательного средства;
- структурные компоненты, отсутствующие в сравниваемом гнезде с точки зрения эквивалентности в области словообразовательной пары;
- структурные компоненты, отсутствующие в сравниваемом гнезде с точки зрения эквивалентности.

В первую группу вошли словообразовательные единицы, которые идентичны друг другу по словообразовательному значению, средству и способу словообразования. Прежде всего, это суффиксальные имена существительные с общим модификационным значением невзрослости. В русском и английском языках они образованы от исходных слов с помощью суффикса **-онок-** (**-ёнок-**) и **-kin**. Это единицы *бесёнок*, *дьяволёнок*, *сатанёнок*, *чертёнок* и *devilkin*. При этом в русском мы отмечаем количественное превосходство таких единиц, их возможность образовываться от нескольких исходных слов. Кроме того, данные единицы в русском языке сами могут выступать в качестве производящих (ср. *бесёнок* → *бесёночек*; *чертёнок* → *чертёночек*).

В эту же группу следует отнести существительные с общим значением женскости, которые в английском и русском языке также образованы с помощью суффиксов – **их (а)**, **-овк (а)**, **-иц (а)** и **-ess**. Это производные *бесиха*, *бесовка*, *дьяволица*, *чертиха*, *чертовка* и *devilless*. Мы считаем, что полностью эквивалентны только единицы *дьяволица* и *devilless*, которые имеют нейтральную стилистическую окраску, так как при образовании других русских производных происходит смена их стилистической окраски с дальнейшим функционированием в группе разговорной лексики. Как и в предыдущем случае, русские единицы превосходят английские в количественном отношении и сами могут образовывать производные, например *чертовка* → *чертовочка*.

Английская единица *devilment* 1 и русское слово *чертовщина* также являются полными эквивалентами друг друга.

В данную группу следует отнести русские, английские и чувашские имена прилагательные и наречия. При этом адъективные образования являются производными для исходных слов и производящими для наречий. В русском и английском языке суффиксальные прилагательные есть во всех словообразовательных гнездах. Это единицы *бесов*, *бесовский*, *дьявол*, *дьявольский*, *демонов*, *демонский*, *демонический*, *сатанин*, *сатанинский*, *сатанический*, *чертов*, *чертовский*, *чертовый*; *devilish*, *demonic*, *demonical*, *fiendish*, *satanic*, *satanical*; *шуйттанё*, *шуйттанла*. Наречные образования находим во всех гнездах русского языка (*бесовски*, *демонски*, *дьявольски*, *сатанински*, *по-сатанински*, *чертовски*) и в двух гнездах английского языка (*devilishly*, *satantically*). Чувашская лексема *шуйттанла* может выступать как в роли прилагательного, так и в роли наречия (ср. *шуйттанла кёпер* ‘чертов мост’, *шуйттанла пăхать* ‘чертовски смотреть’). В количественном отношении русские производные и здесь стоят на первом месте.

Глаголы *сатанеть*, *to devilize* и *шуйттанлан* также следует отнести в эту группу, так как они имеют одинаковое словообразовательное значение, средство и способ образования. Сюда по тем же причинам включаются существительные *демонология* и *demonology*, *сатанизм* и *Satanism*.

Вторую группу составляют структурные компоненты, отсутствующие в сравниваемых гнездах с точки зрения эквивалентности словообразовательного средства. Это означает, что при наличии у производных формально и семантически сходных производящих, а также идентичного сло-

вообразовательного значения, они отличаются друг от друга словообразовательными формантами. Например, в одном из языков слова образуются с помощью суффиксов, а в другом – способом сложения. Сюда же следует отнести единицы, в которых новое значение реализуется не на словообразовательном, а на лексическом уровне. В этом случае мы должны говорить о межуровневых эквивалентах.

В данную группу входят производные *чёртик*, *чёртёночек*, *чертовочка*, которым соответствуют в английском *little devil*, *little devilkin*, *little deviless*, а в чувашском *пёчэк шуйтман*. В этом случае различные модификационные значения производным придают прилагательные *little* и *пёчэк* (маленький), а не суффиксы, как в русском языке. Это объясняется тем, что количество морфем с субъективно-оценочным значением в английском и чувашском языке ограничено, поэтому языки прибегают к лексическим способам выражения оценки.

Нередко в английском языке для обозначения лиц женского пола к исходному слову присоединяется местоимение **she** (она), поэтому при сравнении гнезд русского и английского языков мы находим такие пары, как *чертовка* – *she-devil* и *дьяволица* – *she-demon*. Использование личного местоимения *she* объясняется слабо развитой системой суффиксов феминизации в английском языке, а также отсутствием маркированной словообразовательной оппозиции в именах существительных по полу (ср. в русском языке: учитель – учительница, в английском – *teacher*).

Русским суффиксальным существительным *бесёнок*, *дьяволёнок*, *сатанёнок*, *чёртёнок* соответствуют чувашские образования *шуйтман чёппи* и *шуйтман сурри*. При этом производные со значением незрелости в чувашском языке имеют двучленную структуру, что связано с анализмом данного языка.

Кроме того, английской производной единице *devil-worship*, образованной способом сложения от исходного слова *devil*, семантически соответствует русское сочетание *культ сатаны*, в составе которого присутствует, однако, не единица *дьявол*, а синонимичная ему лексема *сатана*, относящая это составное наименование к другому словообразовательному гнезду. Подобные отношения характерны также для пары *demonolatry* и *поклонение дьяволу*, в которой английский компонент является суффиксальным образованием, а соответствующая ему по значению русская единица – словосочетанием, в состав которого входит исходное слово.

Структурные компоненты, отсутствующие в сравниваемом гнезде с точки зрения эквивалентности в области словообразовательной пары, отнесем в третью группу единиц. Сюда следует включить словообразовательные пары производящего и производного компонентов *чёрт* – *чёртыхаться* (*devil* – *to swear*; шуйттан – усала асанса ятлас (букв. «говорить, вспоминая черта»)), *чёрт* – *чёртогон* (*devil* – *thistle*; шуйттан – пиçен), *devil* – *devilry* (дьявол – коварство, злоба, жестокость), *чёрт* – *чертовщина* (шуйттан – хаямат). Возможно, такое несоответствие возникает потому, что русский глагол *чёртыхаться* имеет более узкое значение («ругаться чертом»), чем английское слово *to swear* («ругаться, браниться»). Существительное *devilry* образовано с помощью суффикса со значением «специфическое качество предмета или явления, названного основой», эквивалент которого отсутствует в русском языке, где качества *чёрта* передаются иными разнокоренными словами (злой, рогатый, чёрный, беспятый, лысой). В свою очередь, слово *чёртогон* обозначает растение, чье название специфично у каждого народа, и отражает верования русских людей в то, что чертополох может излечивать от порчи (БТС, 1476).

В русском, английском и чувашском гнездах обнаруживаются безэквивалентные слова. Это наиболее многочисленная группа производных. В неё входят лексемы *чёртушка*, *чертище*, *чертяга*, *чертяка*, *чертобесие*, *чертовня*, *чертолом*, а также собирательные существительные *devildom* и *devilry*. Причина этого кроется в том, что перечисленные русские существительные образованы с помощью суффиксов субъективно-квалификационной оценки (**-ушк(а)**, **-яг(а)**, **-як(а)**), которые практически не используются в английском языке, а суффикс, выражающий увеличительность (ср. *чертище*), в нем отсутствуют.

С другой стороны, хотя в русском языке есть аффиксы с собирательным значением, но ни один из них не может образовать собирательные существительные от рассматриваемых нами исходных слов. В чувашском языке также отсутствуют слова с уменьшительно-ласкательным и увеличительным значением, родственные слову *шуйтман*. Кроме того, в чувашском языке нет эквивалентов для русских и английских производных со значением женскости. Здесь слово *шуйтман* может одновременно обозначать лицо мужского и женского пола, что связано с отсутствием кате-

гории рода в чувашском языке. Безэквивалентными также являются большинство сложных слов всех трех языков, поскольку один из компонентов сложного слова вносит новое содержание в семантику производной единицы.

Помимо производных слов, в анализе нуждаются составные наименования в русском и чувашском языке, а также составные наименования и сложные слова английского языка, одним из компонентов в которых являются либо указанные ядерные имена существительные, либо их дериваты: *бесовское зелье, сатанинский гриб, чёртова борода, devil's apple, devil's-flow, devil ray, шуйттан майраки, шуйттан чёрни, шуйттан варё* и т. п.

Как правило, данные единицы фразеологии в русском, английском и чувашском языке имеют определенную структуру: состоят из двух компонентов, один из которых является определяемым словом, а другой – определителем, при этом отношения между компонентами носят атрибутивный характер. В зависимости от функции компонентов с архисемой 'злой дух' / 'evil spirit' / 'усал сывлăш' в составе сочетаний и сложных слов рассматриваемые наименования можно разделить на две группы. В первую входят единицы, где указанные компоненты являются определителями (*бесово молоко, чёртов орех, devil's brew, devil's food cake, шуйттан кăмпи, шуйттан хапаххи*), а во вторую – сочетания, в которых они играют роль определяемых слов (*морские черти, морской дьявол, blue devils, great devil, шуйттан вылянă сырма*).

Тематический состав данных единиц лексики и фразеологии достаточно разнообразен. Эти составные наименования и сложные существительные обозначают людей (*бесова нога, чёртова кукла, devil's advocate, devil-dodger*), животных (*чёртова рыба, devilfish, thorny devil, шуйттан кёвентти*), являются фитонимами (*чёртово ребро, devil's paintbrush, шуйттан хупаххи*), служат для называния рукотворных предметов (*чёртова кожа, devil's picture book*) и объектов неживой природы (*чёртов палец, devil's duke, шуйттан чёрни*). Они также могут являться локативами (*чёртово место, шуйттан вылянă сёр*) или использоваться для обозначения количества (*чёртова тьма, devil's dozen*). При этом в целом ряде наименований происходит полное или частичное семантическое опрощение компонентов с архисемой 'злой дух' (*сатанинский гриб, чёртова борода, чёртово ребро, devil ivy, devil's brew, devil's trumpet, шуйттан урапи, шуйттан лаши*).

В русском языке большинство этих сочетаний играют роль экспрессивных синонимов отдельных слов. Они имеют как разговорную стилистическую окраску (*бесовское зелье*), так и грубо просторечную, и в этом случае обладают отрицательной коннотацией (*чёртова перечница*). В английском и чувашском языках, напротив, подобные единицы, как правило, являются единственными наименованиями реалий.

В чем же причина того, что при наименовании данных реалий одним из средств сравнения становятся ядерные существительные исследуемых концептов или их производные. На наш взгляд, причина наименования реалий с помощью подобных единиц состоит в том, что объект действительности, подлежащий номинации, обладает признаком, который связывает его с представлениями русского, английского или чувашского народа о злом духе. Это объясняется также свойствами самих объектов номинации.

Например, изучение морфологических особенностей (внешних и внутренних отличительных признаков) денотатов, названных в английском языке с помощью указанных единиц, позволяет сделать следующие выводы. Как нечистые, то есть принадлежащие дьяволу, расцениваются реалии, обладающие рядом характерных признаков. Это растения или животные необычной формой, которая напоминает какую-либо часть человеческого тела (*devil's-hair* (букв. чёртовы волосы), ломонос виргинский) или предмет быта (*devil's paintbrush* (букв. чёртова кисточка), ястребинка; *devil's darning needle* (букв. чёртова игла), стрекоза). У них могут быть колючки, шипы, роговидные выступы (*devil's club* – заманиха высокая, *devil's-finger* – лядвенец рогатый). Их характеризуют необычные свойства (*devil horse* (букв. чёртова лошадь), богомол). Они бывают ядовиты или являются сорными травами (*devil's-gut* - повилика, *devil's-root* - зарази́ха).

Суеверные представления англичан о злом духе как создателе всего греховного на земле находят свое отражение в наименовании алкоголя, игральные костей и игральные карты, которые в английском языке называются *devil's drunk* (букв. чёртов напиток), *devil's-bones* (букв. чёртовы кости), *devil's picture book* (букв. чёртова книга). Подобные верования существовали у чувашей и русских. Например, о черте как создателе пива повествует чувашская сказка «Как черт научил чу-

ваша варить пиво». От старообрядцев, считавших курение большим грехом, пошло наименование табака *чертовым зельем* и приписывание появления этого растения делу рук чёрта.

Следует отметить, что восприятие некоторых реалий аналогично у представителей различных культур. В чувашском и английском языках полностью совпадает наименование белемнита. Он обозначается через единицы *шуйттан чёрни* (букв. чертов ноготь) и *devil's toenail* (букв. чертов ноготь). Носители русского языка называют эту окаменелость *чёртовым пальцем*. Идентичное название существует и в английском языке - *devil's-finger*. Такое совпадение лексических единиц объясняется сходством представлений всех трех народов о злом духе как существе, обладающем огромными размерами (длина белемнита обычно составляет 40 см, длина указательного пальца человека - 8-12 см).

Изучение особенностей производных слов и составных наименований в разнотипных языках значительно дополняет представления о языковой картине мира носителей этих языков.

В заключении обобщены теоретические и практические результаты исследования и намечены его дальнейшие перспективы.

Основные выводы и результаты работы заключаются в следующем:

В концептосфере представленных языков существуют концепты ирреального мира. Указанные концепты являются частью языковой картины мира названных народов и представляют собой знания об ирреальном мире и его субъектах. В данных концептах закреплены мифологические, религиозные и общечеловеческие представления о мироустройстве. Картина «иног» мира весьма сложна, так как речь идет не об объективной, а о субъективной реальности, в которой смешаны языческие и христианские представления о субъектах ирреального мира. В русском, английском и чувашском языках концепты ирреального мира репрезентуются определенной группой языковых единиц - лексем, фразеологизмов, паремий.

Каждое из рассмотренных имен существительных с отрицательной коннотацией (*бес, дьявол, сатана, чёрт* в русском языке, *devil 1, devil 2, Satan, fiend* в английском, *шуйттан, усал, киремет, мур, эсрел* в чувашском языке) функционирует как «ядро» национального и в то же время универсального концепта для всех трёх языков. Синонимичные им наименования, сфера употребления которых чаще всего ограничена рамками «книжного» или «разговорного» фонда лексики, находятся в «околоядерной» зоне этих образований.

Интегральные особенности концептов особенно ярко проявляются в их религиозном аспекте. Этот факт может быть объяснен тем, что вероисповедание всех трех народов имеет одни и те же христианские корни. Согласно религиозным представлениям христиан, злой дух, называемый *дьяволом (devil 1, шуйттан)* является бесплотным, сверхъестественным существом (*злой дух, нечистый дух; evil spirit, усал сывлӑш*), которое изначально имело ангельскую природу (*Люцифер, падший ангел; Lucifer, angel*), но вследствие восстания и низвержения в ад обратилось в дьявола (*сатану, веельзевула; Beelzebub, Satan*), предводителя бесов (*князь бесовский; chief of the devils, prince of the devils; усалсенӗн пуçлӑхӗ*). Отличительными чертами этого существа, согласно языковым данным, является злоба (*evil, wicked one; усал*), коварство и хитрость (*лукавый*). Дьявол воспринимается как противник Бога и враг человека и человечества (*противник, враг рода человеческого; adversary, enemy; хирӗç пыракан, тӑшман*). Являясь предводителем бесов, дьявол правит земным миром (*князь мира сего; prince of the world, тӗнче пуçлӑхӗ*). Религиозные представления о *бесе (devil 2, шуйттан)*, занимающем подчиненное положение в иерархии злых духов, имеют более простой характер. Называемое существо является злым духом (*дух, нечистый дух бесовский; spirit of an unclean devil; усал сывлӑш*), который может вселиться в человека и причинить ему физические страдания (*дух глухой, дух немой; dumb spirit, deaf spirit, хӑлхасӑр сывлӑш, челхесӑр сывлӑш*). Подобно дьяволу, бесы по происхождению считаются ангелами, на что указывают некоторые их наименования (*ангелы, ангелы согрешившие, злые ангелы; angel; ангелсем*).

Следует отметить тот факт, что этимология, семантическая структура, синонимические и словообразовательные связи, а также особенности сочетаемости и функционирования лексемы *бес* в русском языке отражают такой феномен русской культуры, как взаимопроникновение христианского и языческого сознания, которое в научной литературе получило название двоеверия.

Отличие концептов ирреального мира проявилось в их культурологическом аспекте, отразившем народные, в истоках своих языческие, представления русского и чувашского народа о злом духе. Носителями народного сознания стали лексемы *бес* и *чёрт* в русском языке и *киремет*,

мур, эсрел в чувашском. Лингвистический анализ русских лексических, фразеологических и паремических единиц показывает, что они сохранили сведения об облике злого духа (*чёрный, куцый, коронахвостик; чёрт не зарудился, а таким уродился*), месте обитания (*бродит, что черт по болоту; вертит, как черт в омуте*), родственных связях (*чертёнок, чертиха, чертовка, выражения к чертовой матери! к чертовой бабушке!*), характерных действиях и состояниях (*буйствовать как бесенята, вертеться чертом*), а также отношении с людьми и себе подобными (*бояться как черт попа*).

Чувашский языковой материал хранит в себе историю языческого прошлого чувашского народа. Память о ритуале жертвоприношения злым духам, о существовании особых молитвенных мест и священных деревьев отражена в имени *киремет* (ср. *киремет йывйçси, киремете пуçсапан-кан*). Олицетворение болезней и эпидемий, древняя вера в то, что они являются результатом проникновения в человека злого духа отражается в функционировании лексемы *мур* (*таçта мур та, мур тённе*). Функция злого духа как духа смерти отчетливо проявляется в лингвистических особенностях лексемы *эсрел* (*эсрел чун чун шырать, эсрелсёр вилём сук*).

Особенность концепта ирреального мира в английском языке состоит в том, что он был переосмыслен с течением времени. Произошла смена негативного отношения носителей языка к обозначаемым объектам на нейтральное, что нашло отражение на лингвистическом уровне: в развитии лексико-семантических вариантов, в которых отсутствовала отрицательная коннотация (ЛСВ 3 ‘person who has to work hard for others and be abused by them’, ЛСВ 4 ‘a printer’s apprentice’, ЛСВ 5 ‘usu. poor, wretched or unfortunate person’), появлении синонимов лексемы *devil* с разговорной стилистической окраской (*Harry, Old Nick, the Old Boy, the Old One*).

Сопоставительный анализ показывает, что в трёх языках можно найти полные, частичные и безэквивалентные языковые единицы. К полным лексическим эквивалентам следует отнести лексемы *дьявол, сатана, devil 1, Satan* и *шуйтман*. Эта характеристика подтверждается совпадением семантической структуры указанных образований, которая характеризуется идентичным в своих основных значениях набором сем. Данные лексемы вступают в аналогичные парадигматические отношения с лексическими единицами, входящими в состав лексико-семантической группы ‘злой дух’ в трёх языках, так как являются их частичными синонимами (*дьявол – злой дух, князь бесовский, враг; devil 1 - evil spirit, prince of the devils, enemy; шуйтман - усал сывлăш, усалсенён пуçлăхĕ, тăшман*).

В группу словообразовательных эквивалентов русского и английского языка входят отыменные суффиксальные имена существительные с общим модификационным значением женскости (*дьяволица* и *devilless*) и невзрослости (*бесёнок, дьяволёнок, сатанёнок, чертёнок* и *devilkin*), имена существительные с абстрактным значением (*демонология* и *demonology, сатанизм* и *Satanism*), отыменные суффиксальные имена прилагательные (*бесовский, дьявольский, демонский, сатанинский, devilish, satanic, шуйтманĕ* и др.), глаголы *сатанеть, to devilize*, а также глагол *шуйтманлан*, который единственно идентичен русскому и английскому деривату среди других производных единиц чувашского языка.

Среди указанных единиц имеет место и такое явление, как межуровневая эквивалентность (ср. *чертёнок - шуйтман сурри, шуйтман чёппи; чёртик, чертёночек, чертовочка - little devil, little devilkin, little devilless, пёчĕк шуйтман; дьяволица - she-devil, she-demon*).

Частичными лексическими эквивалентами следует признать единицы трёх языков, которые отличаются друг от друга семантикой, а именно набором дифференциальных сем (*бес, devil 2, шуйтман*) и стилистической маркированностью (*князь мира сего, chief of the world, тёнче пуçлăхĕ*). Выражая одно и то же понятие, некоторые лексические единицы дифференцируются своей внутренней формой (*лукавый, evil, wicked one, усал*). В группу частичных словообразовательных эквивалентов входят, например, дериваты *чертиха, бесиха – devilless, чертеня - devilkin*.

Безэквивалентные лексемы составляют самую многочисленную подгруппу среди указанных единиц, что, на наш взгляд, связано как с характером денотата (ср. *чёрт, эсрел, мур, киремет*), так и с собственно языковыми особенностями анализируемых лексических единиц, чье функционирование в трёх языках различно.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Григорьева Е. А. Особенности словообразования русских, английских и чувашских слов со значением «нечистая сила» / Сопоставительная филология и полилингвизм. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 29 – 31 октября 2002 г.). – Казань, 2002. – С. 36 – 40.

Григорьева Е. А. Парадигматические связи слова *чёрт* в рамках лексической систем русского языка / Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: Сб. ст. по материалам региональной научной конференции. – Чебоксары, 2003. – С. 96 – 99.

Григорьева Е. А. Особенности структуры семантического поля ‘субъекты ирреального мира’ в русском и английском языке / II Международные Бодуэновские чтения. Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11 – 13 декабря 2003 г.): Труды и материалы, т. 1. – С. 136 – 139.

Григорьева Е. А. Сопоставительный анализ словарных статей в разновременных и разноязычных толковых словарях / III Межвузовская научно-методическая конференция: Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании (Москва, 24 – 25 апреля 2004 г.). – М., 2004. – т. 2. – С. 24 – 29.

Григорьева Е. А. Функционирование лексических единиц с интегральной семой ‘злой дух’ в текстах Нового Завета / Международная научная конференция «Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы» (Казань, 4 – 6 октября 2004 г.). – Казань, 2004. – С. 214 – 215.

Григорьева Е. А. Лексические контрастивы в русском, английском и чувашском языках (на материале Нового Завета) / Иностранные языки в современном мире (Казань, 10 января 2005 г.) (в печати).

